

ТЮРЕМНЫЕ
ЛАГЕРНЫЕ
ССЫЛЬНЫЕ
СТИХИ

ВОСПОМИНАНИЕ О БУТЫРСКОЙ ТЮРЬМЕ

Николаю Андреевичу
Семенову

Были тусклы *намордники* камеры мертвой,
Полудённые светы — неверны и плохи.
Ты, знакомясь, с улыбкой представился: — “Жертва.
Тихий кролик великой эпохи...”
Что-то слишком великой... Всё в будущем рея,
Ни хитрить, ни таить, ни делить не умея, —
Дней тех юных, ну, что б вам с женой приоставить?
Пятилеткам на бедность снесли переплавить.
А потом — в ополчение доброю волей,
Мешковатость, пенсне кабинетный зацем...
— Почему не стрелялся?! Оружия, что ли,
Вам не дали?! А — палка зачем?
...Знаю, знаю я поле ржаное,
Когда в “юнкерсах”, в “хеншелях” небо черно,
Нет снарядов, орудье не бьёт ни одно...
Трое суток метался — и в подлой измене
Не убив себя! — сдался, и вот виноват...
Эх! я всех их! я всех бы сейчас — на колени!
Пред тобою, русский солдат!
Что-то *там*, по воронкам, их мало лежало!
Кто лежал — тот срывал комиссарские шпалы,
Хоронил средь зелёной травы...
Рвали когти в Москву господ генералы,
Деранула за Волгу Москва из Москвы...

Завтра — праздник... Уж флаги за зоною алы,
Уж белеет, крепчает зима.
Где теперь ты? Таскаешь ли шпалы
На дороге Тайшет-Кольма?
Под Норильском волочишь цынготное горе?
В ледовитой ли тьме Воркуты?
Или сосны кряжуешь на выюжной Печоре?
Или уголь долбишь в подземельях Инты?
Помнишь — воздух, застойный, как в яме,
Своды серые старой добротной тюрьмы,
Где июльскими тёмными долгими днями
О великом и малом печалились мы?
Кто там не был! какие огни не сходились!
Монархист ли, марксист ли, — но только б не раб.
И сшибались до пены, до ярости бились,
Хлебной крошкой, табачною пылью делились,
Обнимались на смерть, уходя на этап.
Невесомая мысль! — для стихов и для лекций
Вечерами сдвигались, под лампами дым, —

Атом. Гоголь. Барокко. Наследственность. Рим. —
И учёные сыпали блёстки коллекций
Неучёным, но тёртым друзьям молодым.
Хмуро слушали, как на духу.
Зёрна брали, с усмешкой отвеяв труху:
Отхватили нужды эти русские парни —
И в навозную бочку впрягались попарно,
И собирали картофельную шелуху.
Умудрила их жизнь! От Норвегий до Ливий
Исходили Европы красу и тщету,
Повидали, где мягче, сытей и счастливей,
И вернулись в родимую нищету.
Тут их ждали. Тут выдержать буйные дрожжи
Запахнулась вкруг них крепостная стена...

Неприятная Русь! Что ты знаешь? Быть может,
Этой самой закланною молодёжью
Ты и будешь когда-нибудь спасена?..

1946

МЕЧТА АРЕСТАНТА

Мне б теперь — да в село Алтая,
Где и поезд не будит тишь,
Где пословица золотая:
“Меньше знаешь — больше спишь”.

Я хоть жив, а других — искромсало...
Каково б мою горечь — да *тем*?
Нет!! Чтоб жизнью платить — сызначала
Нет таких философских систем!

Десять лет мне прогнать в этом склепе,
Десять зим набегит в волосах...
Мне — бродить бы сейчас по степи
И встречать восход в овсах.

Отличать бы от вяза — осень,
От чижа и синицы — щегла,
Знать повадки леца, карася,
Знать приметы дождя, тепла.

Мне — в Алтай бы! Высоким стремленьям
Отдал дань я, и будет с меня.
Я грущу по коровьему пенью,
По оскалу улыбки коня.

Мне б — избёнку пониже. Нисколько
Не взмучая счастливую тьму,
Я б учил ребятишек, но только
Арифметике и письму.

1946

ЧЕРЕЗ ДВЕ РЕШЁТКИ

Ты — как девочка молодая!
Ты всё та же, не блекнет лицо.
Свежим даром любви обладая,
Распрямись же! сними, родная,
Обручальное наше кольцо.

Ты не знаешь, что значит *ждать!*
Холодеть. Каменеть. Скрывать.
Человеку ль пред жизнью не сдаться?
Ведь не год. Ведь не три. Ведь не пять!
А с войною — пятнадцать!

Облетят твои свежесть и цвет,
Подо льдами надломится стойкость.
Не клянись опрометчиво, нет!
Даже сказочный срок — семь лет.
Даже в сказках не ждут по столько...

1947

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА

Когда было мне годика три,
Принесла забавушку мне нянька.
Опрокинув, пустила: — Смотри,
 Ванька-Встанька!..
Потолкала с тех пор меня жизнь, пошвыряла,
Отняла, всё что было сначала
Мне, юнцу, нерасчётливо щедро дано,
Сколько раз гнула так, что казалось тошнó
 Даже выжить до вечера.

Но...

День покойный удайся, проглянь-ка
Ласка женщины, друга слово, —
Я упорно, как Ванька-Встанька,
На своём поднимаюсь снова.
И ведь всё уж потеряно, кажется,
И сомненьям моим не улечься, —
А опять я готов отважиться!
А опять я готов увлечься!
Как же мало надо для тела,
Чтоб от недуга к жизни взяться!
К т о ж мне душу такую сделал,
Что опять я могу смеяться?

1947

РОМАНС

А. Б.

Да, я любил тебя! Была ты
И в чёрном панцыре бушлата
Цветок призывного греха, —
Дочь мужика, чей быт богатый
Смели и выжгли излиха.

Я помню вечер: снег мелькучий,
Пред вахтой рваную толпу,
— И тень от провол'ки колючей
Терновым венчиком на лбу.

Рука в руке, мы любострастно
Сплотились в сутисках толпы,
— В твой лоб девичий ясно-ясно
Вонзились чёрные шишы...

Как на картине, на иконе,
Я вижу этот образ твой,
Какой тогда тебя я понял
И полюбил тебя какой.

Ты билась годы в частом бредне,
Потом ослабла и — пошла...
Я не был первый, ни последний,
Кому готовно отдала

Свой рабий час, саму себя ты,
Нежитой юности в искуп.
В мужском хмелю, но с болью брата
Я горечь пил с тягучих губ.

Да, я любил тебя! Не только
За дрожь груди, за трепет тонкий,
За сохранённый щедрый пыл, —
В тебе, погибая девчёнка,
Судьбу России я любил...

1947

* * *

Когда я горестно листаю
Российской летопись земли,
Я — тех царей благословляю,
При ком войны мы не вели.

При ком границ не раздвигали,
При ком столиц не воздвигали,
Не усмиряли мятежей, —
Рождались, жили, умирали
В глухом кругу, в семье своей.

Мне стали по сердцу те поры,
Мне те минуты дороги,
Те годы жизни, о которых,
Ища великого, историк
Небрежно пишет две строки.

1948

ВЕЧЕРНИЙ СНЕГ

Стемнело. Тихо и тепло.
И снег вечерний сыплет.
На шапки вышек лёг бело,
Колючку пухом убрало,
И в тёмных блёстках липы.

Занёс дорожку к проходной
И фонари оснежил...
Любимый мой, искристый мой!
Идёт, вечерний, над тюрьмой,
Как шёл над *волей* прежде...

В такой вот вечер декабря
Мы шли с тобой когда-то, —
Он так же в свете фонаря
То мелко сеялся, горя,
То сплошь валил, звездчатый.

Тебе на мех воротника
Низался он, сверкая,
В росинки таял на щеках,
Дрожал недолго на руках
И на ресницах таял.

Вечерний снег, вечерний снег!
И ветви лип седые...
Двором тюремным, как во сне,
Иду — и вспыхнули во мне
Все чувства молодые...

1949

ОТСЮДА НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Милые мои! Да как же вас утешу?
Разве я словами горе залечу?
Редко я писал вам — и всё реже, реже, —
А теперь и вовсе замолчу...
Решено не мною так, не нами, —
Русскими, однако. Не монголами. Не янки.
Матовыми светлыми ночами
Так постановили на Лубянке.
Ждал я этого — и совершилось эдак.
А услышал — душу повело.
Напоследок! — как же напоследок
Написать вам просто и светло?
Написать, чтоб меньше вы гадали,
Как несу я тяжесть этих лет.
Попросить, чтоб в сердце не рождали
Ужасов, которых в жизни нет.
Мне к лицу нейдёт веночек терновый —
Оплетён железным тёрном целый материк!
Нас таких!.. — нас материк здесь новый,
Я к нему, как к родине, привык.
Так не надо этих оговорок:
“Когда с нами был...”, “Когда вернёшься ты...”
Первый месяц, первый год был горек,
Бились о решётку глупые мечты,
А когда завалишь месяцев за сорок, —
Видишь: не осталось суеты.
День “освобожденья”
Мне как *возвращенье*
Тоже рисовался поперву.
Но потом, — в какой тюрьме по счёту? —
Что-то хрустнуло во мне, досохло что-то,
С той поры прошедшим не живу.
Я отвык от внешнего движенья —
От того, что называют *волей*.
Душу новую, как новое растение,
Я ращу в себе в недоброй гнили тюрем,
И растением этим я доволен.
Разразись теперь “освобожденье”, —
Я бы вышел нехотя, сощурен.
На пороге шумного, большого
Долго бы стоял я, бритый и в заплатках.
Это было бы приходом новым,
Это вовсе не было б *возвратом!*
Я не знаю, было ль б мне свободней,
Если б, в полусвет из полутьмы,

В наше неуютное сегодня
Я, прозревший, вышел из тюрьмы.
С каждым днём я научаюсь видеть
То, чего не видел я вчера,
Узнаю, что клясть, что ненавидеть,
Что кричать — наука не хитра;
Вижу мелким то, что прежде чёл огромным,
И — большим, чем прежде я небрёл;
Я учусь терпению, я учусь быть скромным.
Если б только мог я, если б только мог
К людям терпеливым стать.
А уж телом, телом
Одервянелым
Этих лучших лет не наверстать.

1950

ОТРЕЧЕНИЕ

День второй в себя не приду.
Я — мужик, а рыданиями горло сжало.
Вот она — на каком году
Эта весть меня ожидала...

Ты вошла на свиданье с улыбкою бледной,
В своём старом, потёртом и бедном.
Я прижался к твоей высыхающей груди,
Запрокинул твой лоб — где же? где же ты? — нет
Ни невесты моей, той девчѐнки-игруньи!
Ни весѐлой подруги удачливых лет.
Боже, как мы развыклись! Как будто
Я — не муж твой, ты мне — не жена!
И — пустые, пустые минуты
Отмерял по часам старшина
С голубою погонной каймой.
И тогда ты взметнула с мольбой
Взгляд, как выкрик, как стон — пожалей! —
И сказала с улыбкой совсем не твоей,
Так легко, так легко: “В первый год
Предлагал мне, ты помнишь, когда-то развод...
А... — теперь?”
Слово — на́ вес. Не небо над нами —
Вурдалак с голубыми крылами.
И — не голосом, а — губами:
“Заставляют... Не верь!..”
Только тут я заметил, что больше нет
На руке у тебя моего кольца, —
И прозреньем ударил мне в душу свет,
Что это — начало конца.
Сердце ленточкой не обернуть, как ларец,
Не уснуть, не забыться до лучших времѐн.
Ты не знала ещё! Но я понял: *конец!*
Это — он!
Я сказал тебе ласково: “И давно б”.
Я смотрел, что вступили в твой бледный лоб
Сухо врезанные морщины,
Не разглаженные мужчиной.
“Ты не понял меня!.. Только будем чуть реже...”
— “Всѐ я понял, родная”. Но в папках засаленных
Подшивает бумажки проклятая нежить —
Жандармский корпус Сталина!

Я размеренно высидел, впитывал тонкий,
Тонкий облик твой, станущий скоро чужим.

А теперь вот на скудной тюремной вагонке
Поражён отреченьем твоим и своим.
Я ведь жил — не ценил твою близость и нежность.
Жили вместе — а мне б так и хоть одному.
Вот — и бьёт. Бьёт — *развод!*
Бьёт о лагерный рельс неизбежность.
Шли давно мы к тому.
Боль такая, что в общей для всех маяте
Оказались мы оба — *не те...*

1950

С ВЕРХНЕЙ ПОЛКИ «ВАГОН-ЗАКА»

Скоро не будет серебряных рощиц,
Зарослей частых, заманчивой тени, —
Едем в пустыню, не будет в ней, тощей,
Писка зверюшек, птичьего пенья,

Влажных покосов, жёлтого жнива,
В воду колодцев не грохнется цепь:
Глушит и давит всякое *живо*
Мёртвая степь, осолённая степь.

Скоро не будет покровов зелёных,
Жёсткого дёрна, горькой полыни —
В мареве жёлтом песок раскалённый
Кружит и кружит ветер пустыни.

Едем на каторгу, в медные копи.
Вытравит лёгкие в месяцы медь.
Видели. Думали. Жили в Европе.
— В серой *больничке* везут умереть...

1950

КАМЕНЩИК

Вот — я каменщик. Как у поэта сложено,
Я из камня дикого кладу тюрьму.
Но вокруг — не город: Зона. Огорожено.
В чистом небе коршун реет настороженно.
Ветер по степи... И нет в степи прохожего,
Чтоб спросить меня: кладу — к о м у ?

Стерегут колючкой, псами, пулемётами, —
Мало! Им ещё в тюрьме нужна тюрьма...
Мастерок в руке. Размеренно работаю,
И влечёт работа по себе сама.

Был майор. Стена не так развязана.
Первых посадить нас обещал.
Только ль это! Слово вольно сказано,
На тюремном деле — галочка прокажаю,
Что-нибудь в доносе на меня показано,
С кем-нибудь фигурной скобкой сообща.

Вперекличь дробят и тешут молотки проворные.
За стеной стена растёт, за стенами стена...
Шутим, закурив у ящика растворного.
Ждём на ужин хлеба, каш добавка вздорного.
А с лесов, меж камня — камер ямы чёрные,
Чьих-то близких мук немая глубина...

И всего-то нить у них — одна, автомобильная,
Да с гуденьем проводов недавние столбы.
Боже мой! Какие мы бессильные!
Боже мой! Какие мы рабы!

1950

ХЛЕБНЫЕ ЧЁТКИ

Ожерелье моё, сотня шариков хлебных,
Изо всех пропастей выводящая нить!
Перебором твоим цепи строк ворожебных,
Обречённых на смерть, я успел сохранить.

В ожиданиях, бесчисленных в эковской доле,
Прикрывая тебя от соседей полой,
С неподвижным лицом, словно чётки католик,
Отмерял я тебя терпеливой рукой.

Проносил в рукавице, уловка поэта!
Не дойди до тебя я усталым умом, —
Было б меньше одною поэмой пропето,
Было больше б одним надмогильным холмом.

1950

ПРАВО УЗНИКА

Ни на что не даёт нам права
Гнёт годов, в тюрьме прожитых:
Ни на кафедры, ни на славу,
Ни на власть, ни на нимбы святых.
Ни на то, чтобы тусклые жалобы
В мемуарах с усталостью смешивать,
Ни — чтоб юношей племя по жизни бежало бы
Тою стёжкой, что мы им провешили.
Всё пойдёт, как пойдёт. Не заранее
Толочить колею колеса.
Осветлившийся внутренний стержень страдания —
Вот одна нам награда за всё и за вся.
Это — высший кристалл из наземных кристаллов.
И чтоб чистым его донести, —
Будь из всех наших прав небывлых — наималым
Затаённое право на равную месть.
Есть — число. Нескончаемо длинно,
Лишь китайцам да русским понятно оно, —
Всех упавших, угасших — безвестно — безвинно...
Мы в числе том — ноли, и ноли, и ноли...
Наше право одно:
Быть безгневным сыном
Безудачливой русской земли.
Пусть вглуби нас обиды сгорят вперегной,
А наружу мы бросим — побеги живые! —
И тогда лишь всплывёт над усталой страной
Долгожданное Солнце России.

1951

* * *

Что-то стали фронтовые вёсны
Навещать меня, живые, как вчера...
Лица чистые, задумчивые сосны,
Русское протяжное "ура!"

Никогда я не любил войны,
Побеждал всегда я неохотно.
Но теперь вся боль моей страны
Как заряд, забила в сердце плотно.

Кто Россию в трусости обносит
Паутиной проволоки и вахт,
Тех исправит только пушек посвист
Да разрывов бессердечный кряхт.

Оттого дороги наступлений
Оживают, душу теребя,
И сквозь тысячи тюремных унижений
Я солдатом чувствую себя.

Оттого-то я гляжу с издёвкой
На чекистов: гневу не пора.
Будет час! — и я вольюсь с винтовкой
В русское протяжное "ура!.."

1951

СЕДЬМАЯ ВЕСНА

Шесть кряду лет — тоска весны и злая,
И злая зависть, прошлое кружа...
Но как спокойно я тебя встречаю,
Моя тюремная весна седьмая,
Как бестревожна ты и как чужа.

Там где-то девушкам дарят фиалки,
Там чьи-то платья белы в луне... —
Тут коршун плавает над лысой балкой,
Да степь гола. А мне — себя не жалко,
И никаких желаний нет во мне.

Утрами под ногой ледочек крохкий,
Днём пригорки на сугреве сухи,
Струит тепло и холод воздух вохкий,
С полей отходит влага паром лёгким,
Поют звончей и чаще петухи.

Я — примирён. Я не стегаю тела
В бесплодном изнуряющем кругу.
Всё то, что мог, уже я в жизни сделал,
Всего ж, чего так яростно хотел я, —
Всего того я сделать не смогу.

Кто родился тогда — учётся в школе,
Кто в школе был тогда — теперь женат.
Забыт я там... Отвык и сам от воли.
Крик журавлей уже не будит боли,
И не следит за их цепочкой взгляд.

Всевидящее! Кротко голубое!
Лишь ты одно свидетелем тому,
За эти годы чёрствые — какое
Я чувство погубил в себе святое,
Принесенное юношей в тюрьму.

1951

РОССИЯ ?

Есть много Россий в России,
В России несхожих Россий.
Мы о-слово-словом красивым,
Как кремешками кресим:

“Россия!” ... Не в блоковских ликах
Ты мне проступаешь, гляжу:
Среди соплеменников диких
России я не нахожу...

Взахлёб, на любом раздорожьи,
И ворот, и грудь настезу,
Я — с подлинным русским. Но что же
Так мало я их нахожу?..

Так еле заметно их проткань
Российскую теплит ткань,
Что даже порой за решёткой
Вершит и ликует рвань.

Пытаю у памяти тёмной —
Быть может, я в книге солгал?
Нет, нет! Я отчётливо помню,
Каких одноземцев встречал!

Но так полюбил их, что ложно
Собрал промелькнувших враздробь,
Торивших свой путь непроложный
На Вынь, Индигирку и Обь...

Россия! Россий несхожих
Наслушал и высмотрел я.
Но та, что всех дороже —
О, где ты, Россия моя?

— Россия людей прямодушных,
Горячих, смешных чудаков,
Россия порогов радушных,
Россия широких столов,

Где пусть не добром за лихо,
Но платят добром за добро,
Где робких, податливых, тихих
Не топчет людское юро?

Где в драке и гневный не станет
Лежачего добивать?
Где вспомнят не только при брани,
Что есть у каждого мать?

Где, если не верят в Бога,
То пошло над ним не трунят?
Где, в дом заходя, с порога
Чужой почитают обряд?

Где нет азиатской опеки
За волосы к небесам?
Где чтит человек в человеке
Не худшего, чем он сам?

Где рабство не стало потребой
Угодливых искренно душ,
Где смертных не вносят на небо,
Где смелых не ломают вкрушь?

Где поживших предков опыт
Не кроет презренья пыльца?
Где цветен, оперен и тёпел
Играющий вспорх словца?

Где, зная и что́ у нас плохо,
И что́ у нас хорошо,
Не ломаются в спор до издоха,
Что наше одно гожо.

За всё расплатиться приспело:
За гордость и властную длань;
За тех, кто *народное дело*
С помоями смыл в лохань.

Татарщин родимые пятна
И красной советчины гнусь —
На всех нас! во всех нас! Треклятна
Не стала б для мира — Русь.

В двухсотмиллионном массиве
О, как ты хрупка и тонка,
Единственная Россия,
Неслышимая пока!..

1952

АКАФИСТ

Да когда ж я так допуста, дочиста
Всё развеял из зёрен благих?
Ведь провёл же и я отрочество
В светлом пении храмов Твоих!

Рассверкалась премудрость книжная,
Мой надменный пронзая мозг,
Тайны мира явились — постижными,
Жребий жизни — податлив как воск.

Кровь бурлила — и каждый выполоск
Иноцветно сверкал впереди, —
И, без грохота, тихо, рассыпалось
Зданье веры в моей груди.

Но пройдя между быти и небыти,
Упадав и держась на краю,
Я смотрю в благодарственном трепете
На прожитую жизнь мою.

Не рассудком моим, не желанием
Освещён её каждый излом —
Смысла Высшего равным сиянием,
Объяснившимся мне лишь потом.

И теперь, возвращённою мерою
Надчерпнувши воды живой, —
Бог Вселенной! Я снова верую!
И с отречшимся был Ты со мной...

1952

ПРОЩАНИЕ С КАТОРГОЙ

*Читайте,
завидуйте,
я — гражданин
Советского Союза!*
Маяковский

Други лет однокаторжных! Я не раз бы
Разделил ещё с вами беседу и долю,
Но оливково-мутный суют мне паспорт
И толкают в спину — н а в о л ю...
Мне из меньшей идти в эту большую зону —
Всё равно как идти бы сейчас к прокажённому:
Притворяться, что вовсе не чувствую боли,
Когда станут мне мясо живое жечь.
К одноземцам советским мне нэпуть, мне нёгод, —
Как к монголам, как к половцам, как к печенегам
В их бессмысленный табор невольником течь.
Там не вёнет в лицо мне мятежным духом,
Не коснётся там радостно-жадного слуха
Ваша смелая гордая речь.
Так к чему ж ожидания столькогодние?
И полёт за решётку, колючку, столбы?
Еду — в зелень, в движенье, в страну многоплодную,
Но меняю тюрьму, где мятутся свободные,
На свободу, где в страхах коснеют рабы.
Еду — нем, с безлучистым, погаснувшим взглядом.
Еду вырыть такую нору кротовью,
Чтобы даже женщина, спящая рядом,
Не видала листочков, прочерченных кровью.

1952

ПЯТОЕ МАРТА

Где я? Двадцатый ли? Тринадцатый ли век?
Кочевья стан?.. Как черепа их голы!
Раскосый, бронзовый и чёрный Кок-Терек
Встречает смерть Великого Могола.

Мехово-рыжие с голов сорвавши малахай,
Бесмысленная Азия рябого чтит Юсупа...
О, где ты, каторга?! Братва моя лихая!
Быть в этот день — и здесь!..
И с ними — в рупор лупать...

Единственный, кого я ненавидел!
Пересчитал грехи? Задохся в Божий час?
Упрямый бес! Что чувствуешь, изыдя
Из рёбер, где держался уцепясь?

Косятся на меня, что, де, я шапки не снял,
Но, лагерями мятое, черно моё лицо.
Легко мне, радостно и — жаль:
ушёл от русской мести,
Перехитрил ты нас, кацо!

Ты проскочил и первомартовские царские календы
И не дожил до цезаревских мартовских же ид!

...С камышных мазанок пестро свисают ленты,
И голос диктора наигранно дрожит...

1953

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЗВЁЗДАМ

Так вот она, воля: над степью — да небо!
Так вот из земных не последняя доля:
Увидеть алмазный осколок Денеба,
В ночной черноте — перемиги Альголя.
Мой прежний, мой запертый, стиснутый мир
Забыл про тебя, голубой Альтаир.

Нам жёлтая зона, слепя фонарями,
Лгала, что померкла Вселенная звёзд, —
Но тех же Плеяд озаренье над нами,
Того же Стрельца польхающий грозд.

Над тьмью тупого, жестокого века
Какою надеждой вы блещете мне —
Кипяще, немислимо белая Вега
И факел Юпитера в Божьем огне!

1953

* * *

Вот и воли клочок. Новоселье
В бурой степи да в голых стенах...
Но опять в изуверскую келью
Я свободу свою, как монах,

Истязуясь, постясь, заточаю
И цветов приканавных не рву, —
К т о ты, девушка? где ты, родная,
Для которой теперь я живу?

Столько в памяти скрыто в приглубках —
Распирается череп, треща.
Не хочу истаскаться по юбкам,
Не женюсь для мясного борща,

Комсомольской бояться измены
У себя на дому не хочу!
Ночью слушают чёрные стены,
Как я с досок несланных шепчу:

— Кто ты, девушка? Где твои зреют
Непреклонность? и верность? и стан?
— Ты, кого б я привёл, не краснея,
В круг высокий былых каторжан?

1953

* * *

Под духмяной, дурманящей сенью джиды
Ты мне странные, чуждые песни играла.
Одинокая цапля в шуршаньи воды
О-тот берег задумчиво-долго стояла.

В эту зарость колючих кустов джингиля,
Так обманчиво пахнувших нашей сиренью,
Я тебя увлекал, чтоб ты стала моя,
Я метал тебе под ноги жизнь в нетерпении.

И темнел, сокоснувшись упруго с тобой,
И щекою скользил между сборок подола, —
Ты привольным дыханьем в тиши надречной
Разлила деревянную трель Комсомола...

И — откинулся я! И с позорной цыновки
Я вскочил — стало стыдно и больно мне: как
Мог забыть я опухших больных доходяг?
И расстрел? и трёх тысяч три дня голодовку?

Слёзы женщин — иных, кровь — не этих мужчин, —
Всё б ушло из меня, испарившись по капле...
Нет, девчушка! Останусь, останусь один,
Как вон та одинокая цапля...

1953

ТРИ НЕВЕСТЫ

И куда, бывало, шаг я ни направлю,
Сам не помню как, оказывался вместо —
В комнате, где девушки из Ярославля,
Жили три учительницы, жили три невесты.

Там висели зайчики смешные на стене,
В безделушках девичьих цвела душа живая,
Над мотками розовых, зелёных мулине
Девушки склонялись, вышивая.

Это было так несовременно,
Так милы мне были три головки русые, —
Блока белокрылого, Есенина смятенного,
Бунина закатного, обдуманного Брюсова, —

Я метал им всё, что помнил только лучшего,
Голову в жару свою охватывая,
Отцедил смолы янтарной Тютчева,
Брызнул зелья чёрного Ахматовой.

Клеткам счёт не потеряли, и на горле выемов
Не поправили, и нити брали — те;
Я списать не дам ли песенок из фильмов, —
Лишь одна спросила в простоте.

Иглы быстрые мелькали так же почасту,
Пальцы ловкие скользили по канве...
И холодную, блестящую корону одиночества
Я в ознобе ощутил на голове...

1953

НАД «ДОРОЖЕНЬКОЙ»

Дочь моя! Душа моя! Кудерьки альяные
И тоска Алёнушки в глазёнках голубых!
Ты растёшь без воздуха. Кругом — кругом чужие,
И тебя мне прятать надобно от них.

Ты мала, не знаешь ты: отец твой вовсе не жил
И смятен, как юноша, двенадцать лет спустя...
Те, что в глазках твоих стынут, — те же,
Те же прутья самые, мне небо закрестя,

Не дали ладоням ласки мягкой черпать,
С губ других губам испить медка, —
Оттого так смутно жаден на ущербе
Я к годам, последним к сорока.

Ты мала, не знаешь этого туману,
Когда плоть тугая, как струна.
Я привёл бы в дом, привёл бы тебе маму,
Да боюсь, не мачеха ль она.

Я боюсь, она изменит наш обычай,
Длить беседы нам вечерние не даст,
Иль в безумии твой хрупкий стан девичий
На глумление чекистам запродаст...

1953

ТРИУМВИРАМ

Написано!.. Целого мира
Не так мне страшен суд,
Как то, что, три триумвира,
Вы судите мой труд.

Вы трое, кому я обязан
Всем лучшим! — как строг ваш взор.
С годами, пусть въявь не сказан,
Пойму я ваш приговор.

Как Пушкин, хотел я о мрачном,
Сказать, осветляя боль,
То буйной, то грустно-прозрачной
Увидеть земную юдоль;

Увидеть алмазные всплески
В засмраженной тесной судьбе,
Безжалостным, как Достоевский,
Лишь быв к самому себе;

Но чутким к узлам свилеватых
Узоров в душе чужой,
Что в мире нет виноватых,
Хотел я провесть, как Толстой,

Чтоб вызрел плод поэта
Не к ненависти — к добру.
...Бог знает, насколько это
Моему удалось перу...

1953

* * *

Поэты русские! Я с болью одинокой,
В тоске затравленной перебираю вас!
Пришёл и мой — мой ранний, мой жестокий
Час истребления, уничтоженья час.

Не знали мы тех лет, отстоенных и зрелых,
Когда со слов спадёт горячности туман, —
Два наших первенца застрелены в дуэлях,
Растерзан третий в рёве мусульман.

Нас всех, нас всех пред пушкинскою гранью
Многоголово гибель стерегла:
Безумием, гниением, зелёным умираньем,
Мгновенным ли пыланием чела;

Повешен тот, а этот сослан в рудник,
Иных подбил догадливый черкес, —
Санкт-петербургские нахмуренные будни
Да желть бензинная лубянская небес...

Чума на нас, российские поэты!
Текучим воском вылиты каким? —
Один — в петлю, другой — из пистолета,
К расстрелу — третьего, четвёртого — в Нарым.

Да счесть ли всех? Да кто сберёт алмазы
В рассеянных, разбитых черепах?..
Безумный я! — пополз подземным лазом
Сберечь их горсть в невидимых стихах, —

И вынес их!! — но пальцы слабые разжаты:
Мне — смерть! мне — смерть!
— кто эту грань нарушит? —
Она взросла в груди тарантулом мохнатым
И щупальцами душит...

1953

НАПУТСТВИЕ

Мне э т а только мысль невыносима
Под скоморошья бубны эС-эС-Пэ,
Что миру целому привидится Россия
Бездарная, безвкусная, вглупе.

Не будут знать, как дух умерших светел,
Как гений поколения был мудр, —
И полстолетия покроет бурый пепел
Нарымских топей, воркутинских тундр...

О, просочись сквозь Занавес Железный!
О, крикни в щёлочку, светящую едва:
Глухим ночным ли выстрелом обрезным,
Бунтом ли лагерным — жива! ещё — жива!

1953

* * *

Смерть — не как пропасть, а смерть — как гребень,
Кряж, на который взнеслась дорога.
Блещет на чёрном предсмертном небе
Белое Солнце Бога.

И, обернувшись, в лучах его белых
Вижу Россию до ледяных венцов —
Взглядом, какой высекали на стелах
Мудрые элины у мертвецов.

Вижу прозрачно — без гнева, без клятвы:
В низостях. В славе. В житье-колотьбе...

Больше не видеть тебя мне распятой,
Больше не звать Воскресенья тебе...

Декабрь 1953